

A detailed digital illustration of a young woman with vibrant red hair tied in a ponytail. She is a cyborg, with her right eye replaced by a glowing blue mechanical lens and her right cheek and jawline integrated with silver and black robotic components. She is holding a brown and black tabby cat against her chest. The cat has green eyes and is looking off to the side. The background is a blurred industrial or futuristic setting with blue and red light sources.

Елена К.

Тени в ритме города

Елена К.

Тени в ритме города

«Автор»

2026

К. Е.

Тени в ритме города / Е. К. — «Автор», 2026

Город под тотальным контролем ИИ: любая аномалия — улика. Группа сопротивленцев учится говорить шёпотом — и побеждать. Они прячут сигналы в эфемерных явлениях: в тающем инее, каплях росы, исчезающих тенях. Отвлекают дроны ложными следами, а настоящие сообщения передают в «тихих зонах» и в ритмах города — в паузах между гудками, интервалах поездов, мигновениях переключения светофоров. Их союзник — кот Баксик: он не знает про алгоритмы, зато идеально чувствует, где спокойно и никто не смотрит. Его кошачья логика и умение быть частью фона помогают героям оставаться невидимыми в мире, где каждый шаг просчитан. Мрачный технотриллер с элементами хоррора: напряжение рождается из одной лишней секунды, одного неверного вздоха. Это история о том, как в тотальной слежке побеждает не сила, а незаметность, не шум, а пауза. Напряжённый технотриллер: здесь каждое слово сказано в паузе между ударами пульса города. «Тени в ритме города» — когда быть невидимым значит быть живым.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава о совпадениях	5
Первая глава о Саше и Баксике.	6
Глава 2. Архив, который не хочет помнить	8
Глава 3. Человек, который забыл	11
Глава 4. Тот, кто помнит	14
Глава 5. Неуничтожимая память	18
Глава 6. Следы, которые не стереть	21
Глава 7. Когда стирают не только память	24
Глава 8. Послание за границу волны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тени в ритме города

Глава о совпадениях

Автор не преследовал цели описать коголибо из реальных людей, а все события — плод воображения. Но если вдруг покажется, что за вами наблюдают... это просто тень от рекламного экрана. Или нет.

Первая глава о Саше и Баксике.

Александра Подкопаева терпеть не могла два вещи: людей, которые говорят «это не по протоколу», и людей, которые приносят дела в коробках из-под пиццы. Сегодня ей досталось и то, и другое.

Клиент, невысокий мужчина в пальто, которое явно видело лучшие времена, поставил коробку на край стола и выдохнул:

— Тут всё. Лабораторные журналы, заметки, черновики. И одно предупреждение: не открывайте красную папку.

Саша приподняла бровь:

— А если я люблю нарушать протоколы?

Мужчина поёжился, будто от сквозняка, хотя окна были закрыты:

— Тогда вы поймёте, почему он исчез. Учёный... он говорил, что память — это не то, что хранится в голове. Что она висит в воздухе, как пыль. И её можно стирать.

Он сделал паузу, словно ждал, что Саша рассмеётся. Но Саша не смеялась. Она слишком долго работала следователем, чтобы смеяться над словами «её можно стирать».

— И кто велел вам не открывать красную папку? — спокойно спросила она.

— Он сам. В голосовом сообщении. За день до исчезновения.

Мужчина протянул телефон. Саша прослушала: голос был спокойный, почти скучающий, будто человек диктовал список покупок. «Если кто-то принесёт коробку — не открывай красную папку. И скажи детективу: пусть не смотрит. Просто не смотри».

Когда запись закончилась, в комнате стало тише, чем положено быть в центре города. Даже уличный шум будто приглушили.

Баксик, до этого мирно дремавший на подоконнике, вдруг спрыгнул, обошёл коробку по кругу, принялся и сел напротив мужчины, уставившись ему прямо в глаза.

— Ваш кот... — пробормотал клиент.

— Да, — сказала Саша. — Он оценивает.

— И что он думает?

— Что вы нервничаете. А коты не любят нервных людей. Они нарушают баланс влажности в воздухе.

Клиент нервно хихикнул. Саша не хихикнула. Но про себя отметила: юмор — это тоже протокол. Способ не сойти с ума.

Когда мужчина ушёл, Саша посмотрела на коробку. Красная папка лежала сверху, как вызов.

— Ну что, Баксик, — сказала она. — Будем нарушать протоколы или сначала поедим?

Баксик мяукнул. Это могло значить «да», «нет» или «я хочу тунца». Саша решила трактовать как «сначала поедим».

Пока разогревалась лапша, она листала остальные бумаги. Лабораторные записи были аккуратными, но странными: вместо обычных графиков — схемы, где память изображалась как поле, похожее на магнитное. Учёный писал: «Воспоминания не исчезают. Они остаются в структуре пространства. Если изменить параметры поля, можно заставить людей забыть».

Саша хмыкнула:

— Звучит как оправдание для того, кто забыл купить хлеб.

Баксик сидел рядом и смотрел на красную папку так, будто она была мышью, которая притворяется папкой.

Потом Саша всё-таки открыла её.

Внутри не было формул. Только одна страница, исписанная от руки: «Не смотри. Если ты это читаешь, значит, уже поздно. Но если ты помнишь, где стояла ваза — держись за это. Ваза — якорь».

Саша нахмурилась.

— Ваза? У меня нет вазы.

Баксик тихо зашипел на полку, где действительно не было никакой вазы. Вообще ничего не было.

И тут Саша поняла: она точно помнила, что неделю назад там стояла старая керамическая ваза с трещиной. Она её терпеть не могла, но держала, потому что подарила мама. А теперь её не было. И не было даже пыли, будто её никогда не существовало.

— Баксик... — медленно произнесла Саша. — Ты помнишь вазу?

Кот моргнул. Потом подошёл к полке, понюхал воздух и сел, как будто сказал: «Я помню всё. Но не буду об этом говорить. Это ниже моего достоинства».

Саша схватила телефон и набрала номер старого коллеги из лаборатории.

— Слушай, — сказала она, когда тот ответил. — Тут есть теория, что воспоминания можно стирать из реальности. Это бред или у меня крыша едет?

Коллега помолчал.

— Зависит от того, что ты читаешь. Если это про квантовую память и «поля воспоминаний» — то это на грани науки и безумия. Но... есть одна штука. Иногда в экспериментах с нейроинтерфейсами люди начинают видеть «пробелы» в памяти. Будто кто-то стёр кусок их жизни. Обычно это побочный эффект, галлюцинации. Но...

— Но? — переспросила Саша.

— Но никто не знает, почему эти «пробелы» совпадают у разных людей. Как будто не только они забыли — а сама реальность «забыла» этот момент.

Саша посмотрела на Баксика. Кот сидел, вылизывал лапу и делал вид, что не слушает. Но его уши слегка подрагивали — знак, что он всё слышит и всё оценивает.

— Спасибо, — сказала Саша и положила трубку.

Она снова посмотрела на красную папку. Теперь она казалась не просто предупреждением — а ловушкой.

— Ладно, — пробормотала она. — Если реальность стирает воспоминания, значит, нам нужны якоря. Вещи, которые не могут исчезнуть.

Баксик поднял голову.

— Ты, — сказала ему Саша. — Ты мой главный якорь. Потому что если ты забудешь, где лежит твой корм, это будет конец света.

Кот фыркнул, будто сказал: «Не драматизируй. Но да, корм — это святое».

Саша достала блокнот и записала: «Ваза. Была. Керамика. Трещина. Подарок мамы». Потом добавила: «Баксик помнит. Это важно».

В этот момент телефон пискнул: пришло сообщение от неизвестного номера. Одно слово: «Остановись».

Саша усмехнулась:

— Слишком поздно. Я уже начала.

Баксик подошёл, положил голову ей на руку и тихо замурлыкал. Это было самое надёжное «мы справимся», которое Саша могла получить.

Глава 2. Архив, который не хочет помнить

Утро началось с того, что Баксик уронил на пол чашку. Не случайно — он вообще ничего не делал случайно. Он сел рядом с осколками, посмотрел на Сашу с выражением «это был отвлекающий манёвр» и мяукнул.

Саша вздохнула, достала совок и пробормотала:

— Ты хоть понимаешь, что у меня стресс? А ты устраиваешь мне квест «собери осколки и не сойди с ума».

Баксик фыркнул, будто хотел сказать: «Стресс лечится ритуалами. Сначала осколки, потом расследование».

Пока она убирала, взгляд снова зацепился за полку, где раньше стояла ваза. Теперь там стояла банка с кофе. Обычная банка. Но она будто занимала слишком много места, как будто пыталась притвориться вазой и делала это плохо.

Саша достала блокнот и дописала: «Банка с кофе — не ваза. Ваза была. Керамика. Трещина. Подарок мамы. Не позволять кофе маскироваться под память».

Потом она открыла красную папку и перечитала записку: «Если ты помнишь, где стояла ваза — держись за это. Ваза — якорь».

— Якорь, — вслух повторила Саша. — То есть реальность стирает воспоминания, а вещи, которые мы помним, удерживают нас от полного исчезновения в этом безумии.

Баксик подошёл, потёрся о её ногу и запрыгнул на стол, прямо на коробку с документами. Сел, как на трон, и уставился на красную папку.

— Что, думаешь, надо идти в архив? — спросила Саша.

Баксик моргнул. Это могло значить «да», «я хочу тунца» или «ты слишком много думаешь, просто действуй». Саша решила трактовать как «действуй».

Городской архив встретил их запахом старой бумаги и подозрительной тишиной. Саша предъявила удостоверение частного детектива, и пожилая сотрудница, не поднимая глаз от монитора, махнула рукой в сторону читального зала:

— Места три, компьютеры старые, принтер не работает. И не шумите. Тут тишина — это не вежливость, тут тишина — это протокол.

Саша кивнула, взяла пропуск и повела Баксика к дальнему столу. Кот шёл, высоко подняв хвост, будто был не котом, а инспектором по качеству тишины.

Она вбила в базу имя пропавшего учёного. Экран моргнул, будто обиделся, и выдал: «Нет результатов».

Саша нахмурилась и вбила снова. Тот же ответ.

Тогда она попробовала фамилию, инициалы, дату рождения, тему исследований. Всё — ноль. Как будто этого человека никогда не существовало.

— Не нравится мне это, — пробормотала Саша.

Баксик сел на стул напротив и уставился на монитор так, будто мог взломать систему силой кошачьего презрения.

Саша щёлкнула на вкладку «История запросов». И тут экран выдал странное: «За последний час по этому имени запросов не было».

Но Саша точно знала, что только что вводила это имя дважды.

— Это уже не архив, — тихо сказала она. — Это амнезия в цифровом виде.

Баксик тихо зашипел на клавиатуру.

Саша решила пойти другим путём. Она открыла раздел «Публикации» и начала искать статьи, где учёный был соавтором. Нашла одну. Нажала «Открыть».

Документ загрузился, но в списке авторов фамилия учёного отсутствовала. Вместо неё стояло пустое место, как будто кто-то вырезал её ножницами из текста.

Саша наклонилась ближе и прошептала:

— Вот это уже не просто «забыли». Это «стёрли».

Баксик потянулся, положил лапу на тачпад и случайно (или не случайно) щёлкнул по ссылке «Версия документа от 12.03.2024».

На экране появилась старая версия статьи. И там фамилия учёного была.

Саша замерла.

— Баксик... — медленно произнесла она. — Ты только что нашёл архив внутри архива.

Кот посмотрел на неё так, будто хотел сказать: «Я же говорил: не верь тому, что видишь. Верь тому, что можно потрогать. Или хотя бы поцарапать».

Саша сделала скриншот, скопировала текст в заметки и быстро сохранила файл под странным названием «Не удаляй меня, я важный».

Когда она подняла голову, сотрудница архива стояла рядом и смотрела на них с таким видом, будто видела призраков.

— Вы что-то нашли? — спросила она, понизив голос.

Саша чуть не вздрогнула.

— Да, — осторожно ответила она. — Старую версию статьи.

Женщина кивнула, будто это было самое обычное объяснение на свете.

— Тут такое бывает, — прошептала она. — Иногда документы меняются. Не часто. Но бывает. Особенно если речь о... ну, вы понимаете. О тех, кто слишком много знал.

— О тех, кого стирают? — прямо спросила Саша.

Сотрудница вздрогнула и оглянулась, будто стены могли подслушать.

— Я ничего не говорила, — быстро произнесла она. — И вы ничего не видели.

И ушла, оставив после себя запах лавандовых духов и ощущение, что она знает гораздо больше, чем готова рассказать.

Саша посмотрела на Баксика.

— Кажется, мы не первые, кто заметил, что реальность тут подкручивает настройки.

Кот мяукнул и посмотрел на дверь, будто намекал: «Пора уходить. Здесь слишком много секретов, а у меня обед по расписанию».

На улице воздух казался гуще, чем обычно, будто город тоже пытался что-то забыть и от этого задыхался. Саша достала телефон и набрала номер старого коллеги, который в прошлый раз говорил про «пробелы в памяти».

— Слушай, — сказала она, когда он ответил. — Тут архив меняет документы. Прямо на глазах. И есть какая-то «старая версия», которую можно найти, если знать, где искать.

Коллега помолчал.

— Значит, это не галлюцинации, — наконец произнёс он. — Значит, система действительно переписывает данные. И если ты видишь старую версию, значит, ты ещё не попала под «очистку».

— А что будет, если попаду? — спросила Саша.

— Ты перестанешь помнить, что вообще искала этого учёного. Для тебя он станет незнакомцем. Или вообще никем.

Саша сжала телефон крепче.

— Спасибо, — сказала она и отключилась.

Баксик ткнулся носом в её ладонь. Не мяукнул, не замурлыкал — просто стоял и смотрел, как будто говорил: «Ты не одна. Даже если весь мир решит, что его не было, я буду помнить».

Саша присела, обняла кота, прижала к себе на секунду и прошептала:

— Ладно. Мы будем держаться за якоря. За вазу, за старую версию статьи, за твои кошачьи инстинкты. И за то, что кофе — это просто кофе, а не замаскированная дыра в памяти.

Баксик фыркнул, вывернулся из объятий и пошёл вперёд, уверенно, как будто знал, куда идти.

Саша пошла за ним.

Они свернули в переулок, который Саша знала как свои пять пальцев. Но в этот раз он выглядел иначе. Вместо знакомой вывески «Ремонт обуви» висела пустая стена. Вместо урны у подъезда стоял старый почтовый ящик, которого раньше не было.

Саша остановилась.

— Баксик, — тихо позвала она. — Ты видишь это?

Кот сел, поднял голову и уставился на почтовый ящик. Потом медленно перевёл взгляд на Сашу и мяукнул так, что в этом звуке было сразу три смысла: «Да, вижу», «Это плохо» и «Но у нас есть план».

На ящике была наклейка: «Для писем без адреса». И под ней — одна строчка, написанная тем же почерком, что и на конверте: «Тому, кто помнит».

Саша почувствовала, как по спине пробежал холодок, который не имел ничего общего с ветром.

— Опять конверт без марки, — прошептала она.

Баксик подошёл к ящику, понюхал его, фыркнул и сел рядом, как часовой.

Саша протянула руку, но остановилась. Вспомнила записку: «Не смотри».

Но потом вспомнила и другое: если она не будет смотреть, кто тогда будет помнить?

Она открыла ящик.

Внутри лежал конверт. Без марки. Без адреса. Только её имя, выведенное аккуратным, чужим почерком: «А. Подкопаева».

Саша взяла его, чувствуя, как бумага чуть вибрирует, будто внутри было не письмо, а пульс.

Баксик зашипел.

— Знаю, — тихо сказала Саша. — «Не смотри». Но я уже смотрю. И я не остановлюсь.

Она разорвала конверт.

На листке было всего две фразы:

«Они стирают не только память. Они стирают нас. Найди лабораторию до следующей волны».

Под текстом стояла дата и время — ровно через сорок восемь часов.

Саша подняла глаза. Улица снова выглядела нормально. Вывеска «Ремонт обуви» вернулась. Урна стояла на месте.

Но почтовый ящик исчез. Как будто его никогда и не было.

Баксик подошёл и ткнулся носом в её колено.

— Пойдём, — сказала Саша, пряча записку в карман. — Нам нужно найти лабораторию. И нам нужно успеть до волны.

Кот кивнул. Ну, то есть он не кивнул — он просто пошёл вперёд, как будто всегда знал, что так и будет.

Глава 3. Человек, который забыл

Саша шла по улице, а Баксик семенил рядом, будто не кот, а полноценный напарник на задании. Он время от времени останавливался, нюхал воздух, морщил нос и шёл дальше с видом эксперта по подозрительным запахам.

— Ты хоть понимаешь, куда мы идём? — спросила Саша.

Баксик коротко мяукнул. В переводе это значило: «Я иду туда, где меньше шансов, что на меня упадёт что-то тяжёлое. Остальное — твоя работа».

Лаборатория учёного, по старым данным, должна была находиться в промзоне на окраине — в здании, которое числилось как «склад временного хранения». Но Саша уже научилась не доверять документам: если архив стирает людей, то и адреса он может переписать за пару минут.

Она достала телефон и открыла карту. На экране здание было на месте. Но когда она увеличила масштаб, метка будто дрогнула, как муха, которую пытаются прихлопнуть.

— Не нравится мне эта метка, — пробормотала Саша. — Она ведёт себя как свидетель, который хочет уйти со сцены.

Баксик фыркнул, будто согласился.

Промзона встретила их ржавыми воротами, покосившимся шлагбаумом и тишиной, которая звучала слишком старательно. Будто кто-то специально выключил лишние звуки, чтобы не отвлекать от главного — от пустоты.

У проходной сидел охранник — мужчина лет пятидесяти с лицом человека, который видел слишком много странных дней и уже перестал удивляться.

Саша подошла, показала удостоверение:

— Ищу лабораторию доктора Маркова. Говорят, она тут.

Охранник посмотрел на неё, потом на Баксика, потом снова на Сашу. В его взгляде читалось: «Ты либо очень смелая, либо очень уставшая».

— Какой Марков? — спокойно спросил он.

Саша напряглась. Спокойствие в таких вопросах всегда хуже крика.

— Доктор Марков. Учёный. Лаборатория по квантовой памяти.

Охранник почесал подбородок.

— Тут у нас склады. И один цех, где делают пластиковые крышки. Никаких лабораторий. И никаких Марковых.

Саша достала распечатку: старый договор аренды, подписанный директором этого самого здания. Протянула.

— Вот. Тут чёрным по белому: лаборатория Маркова. Срок — два года назад, но продление было.

Охранник взял бумагу, посмотрел на неё так, будто это была инструкция к прибору, который он никогда не видел. Потом медленно покачал головой:

— Не помню такого.

— А договор? — настаивала Саша.

— И договор не помню, — сказал он, возвращая лист. — Тут вообще ничего такого не было.

Саша почувствовала, как внутри всё сжимается. Это был не отказ, не враньё. Это было чистое, искреннее «я не помню, потому что не существовало».

Баксик подошёл к окошку, встал на задние лапы, передние положил на подоконник и уставился на охранника. Взгляд у него был такой, будто он пытался телепатически передать: «Он врёт. Или ты врешь себе. Но в любом случае это подозрительно».

Охранник чуть отшатнулся.

— Ваш кот... он как будто меня судит.

— Он всех судит, — сказала Саша. — Это его работа.

Она снова посмотрела на договор. На бумаге всё было чётко: подписи, печати, даты. Но для этого человека — и, возможно, для всей реальности — этого не существовало.

— Скажите, — тихо спросила она, — а вы вообще помните, что тут было два года назад?

Охранник задумался. Его лицо на секунду стало растерянным, будто он открыл шкаф и не нашёл там куртки, которую точно вешал вчера.

— Помню... — начал он и запнулся. — Помню, что тут были склады. И цех с крышками. Больше ничего.

Он говорил не как человек, который скрывает правду. Он говорил как человек, у которого эту правду стёрли.

Саша кивнула, будто приняла его ответ, хотя внутри всё кричало: «Это неправильно!»

— Ладно, — сказала она. — Спасибо.

Она повернулась, чтобы уйти, но охранник вдруг добавил:

— Хотя... знаете, иногда бывает. Приходят люди, спрашивают про лабораторию. А я им говорю: «Не было». А потом вечером сижу, и вдруг в голове всплывает: «А ведь было». Но утром опять забываю. Как будто кто-то нажимает кнопку «сброс».

Саша замерла.

— Кто нажимает? — спросила она.

— Не знаю, — пожал плечами охранник. — Может, я сам. Может, система. А может, это просто возраст.

Баксик тихо зашипел. Не на охранника — на пространство за его спиной, где висел календарь с изображением моря. Календарь был обычный, но море на нём казалось слишком спокойным, как будто его специально нарисовали, чтобы никто не заметил, что оно ненастоящее.

Саша отошла от проходной, села на ржавую скамейку у стены и достала блокнот. Записала: «Охранник не помнит Маркова. Но иногда вспоминает. Потом забываю. Это не амнезия. Это перезапись».

Баксик запрыгнул рядом, сел, поджал лапы и уставился на неё, будто ждал, что она сейчас скажет что-то умное.

— Что? — спросила Саша. — Думаешь, я должна была его убедить?

Кот моргнул.

— Да, ты прав, — вздохнула она. — Убеждать того, кто не помнит, что нужно помнить, — бесполезно. Нужно искать того, кто ещё не забыл.

Она посмотрела на карту. Метка лаборатории снова дрогнула и чуть сдвинулась влево, будто пыталась спрятаться за соседнее здание.

— Ладно, — сказала Саша, поднимаясь. — Если реальность стирает следы, значит, надо идти туда, где следы держатся крепче. Туда, где люди не верят документам. Туда, где верят только тому, что видят своими глазами.

Баксик спрыгнул со скамейки и пошёл вперёд, уверенно, будто знал, что следующий свидетель будет не таким забывчивым.

Они обошли здание по периметру. Сзади, у глухой стены, стояла старая будка, в которой раньше хранили инвентарь. Дверь была приоткрыта, а внутри кто-то шевелился.

Саша постучала.

— Есть кто?

Из темноты выглянуло лицо — молодой парень в спецовке, с насторожённым взглядом человека, который привык, что к нему приходят не с хорошими новостями.

— Чего надо? — буркнул он.

— Вы тут давно работаете? — спросила Саша.

Парень пожал плечами.

— Года три. А что?

— Помните лабораторию Маркова? Тут, в этом здании?

Парень нахмурился. На секунду в его глазах мелькнуло что-то — узнавание, воспоминание, тень знания. Но потом оно исчезло, как отражение в воде, по которой провели рукой.

— Не-а, — сказал он. — Тут только склады. И цех.

Саша почувствовала, как надежда сжимается в тугой узел.

— Точно? — переспросила она. — Даже намёка не было?

— Точно, — уверенно ответил парень. — Я бы запомнил. Тут всё по плану. Никаких лабораторий.

Но Баксик не поверил. Он подошёл к парню, сел у его ног и уставился снизу вверх, как будто пытался пробудить память силой кошачьей настойчивости.

Парень наклонился, чтобы погладить кота, и в этот момент его лицо снова изменилось. На долю секунды он будто увидел что-то за спиной Саши — что-то, чего она не видела.

— Хотя... — начал он, и голос его стал тише. — Иногда... мне снится одно и то же. Будто тут есть дверь, которой нет. И за ней — комната, где всё светится. И голос говорит: «Не смотри».

Он резко замолчал, будто сам испугался своих слов. Потом тряхнул головой, как собака, выходящая из воды.

— Бред, — быстро сказал он. — Просто сны. Тут ничего такого нет.

Саша не стала спорить. Она просто достала из кармана записку, которую нашла в почтовом ящике: «Найди лабораторию до следующей волны». Посмотрела на дату и время. До «волны» оставалось чуть больше сорока часов.

— Спасибо, — сказала она парню. — И за сны тоже.

Тот кивнул, будто понял, что она имеет в виду, хотя сам не мог бы этого объяснить.

Когда они отошли, Баксик ткнулся носом в её ладонь.

— Знаю, — прошептала Саша. — Реальность стирает память. Но сны... сны, кажется, стираются хуже.

Она посмотрела на глухую стену, за которой, возможно, когда-то была дверь. И подумала, что если дверь исчезла, это не значит, что её не было. Просто кто-то очень постарался, чтобы все забыли.

— Поехали, — сказала она Баксику. — Нужно найти того, кто помнит не по документам. Кто помнит по-другому.

Кот мяукнул, будто сказал: «Наконец-то. А то я уже думал, что мы будем весь день разговаривать с теми, кто ничего не помнит».

И они пошли прочь от промзоны, туда, где, возможно, ещё кто-то хранил память о докторе Маркове — и о том, что нельзя смотреть.

Глава 4. Тот, кто помнит

Саша шла по тротуару, а Баксик семенил рядом, время от времени останавливаясь, чтобы понюхать урну, будто надеялся найти там ключ к разгадке.

— Ты ищешь улики или просто проверяешь, не выкинули ли туда тунца? — спросила Саша.

Баксик фыркнул, будто сказал: «Это одно и то же. В мире, где реальность переписывается, тунца тоже могут стереть».

До «волны» оставалось чуть больше тридцати шести часов. Саша чувствовала это время как тяжесть в груди — будто каждый шаг отдавался тиканьем невидимых часов. Нужно было найти того, кто ещё не забыл доктора Маркова. Но кто мог помнить там, где даже документы лгали?

И тут её осенило.

— Баксик, — тихо сказала она, — мы ищем не того, кто должен помнить. Мы ищем того, кому незачем забывать.

Кот поднял уши, будто понял, что сейчас будет план, который ему не понравится.

Они приехали в старый жилой квартал, где дома стояли тесно, как старые друзья, которые слишком много знают друг о друге. Саша поднялась на третий этаж обшарпанной пятиэтажки и постучала в дверь с табличкой, на которой когда-то было имя, а теперь осталась только выцветшая полоска лака.

Дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо пожилой женщины с пронзительным взглядом человека, который привык замечать лишнее.

— Чего надо? — спросила она без приветствия.

Саша достала удостоверение, но женщина даже не посмотрела на него.

— Я не из полиции, — быстро сказала Саша. — Я ищу доктора Маркова. Вы его помните? Женщина прищурилась.

— Маркова? Это который из тринадцатой? С этими своими проводами и ящиками?

Саша почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — как замок, который наконец поддался.

— Да, — сказала она, стараясь не выдать волнения. — Он.

— Помню, — спокойно ответила женщина. — Ещё бы не помнить. Он мне два раза лифт чинил, хотя не обязан был. И всегда здоровался. Не как эти, которые смотрят сквозь тебя.

Саша перевела дыхание. Наконец-то кто-то говорил о Маркове так, будто тот был настоящим.

— А потом он пропал, — продолжила женщина, будто читала мысли. — И тут же все стали говорить, что никакого Маркова тут не было. Даже упрямом. А я говорю: был. Потому что я его видела. И лифт он чинил. А лифт не соврёт.

Баксик подошёл, сел у порога и уставился на женщину, будто оценивал: «Эта говорит правду. У неё память твёрдая, как бетон».

— Вы не знаете, где он мог держать лабораторию? — спросила Саша. — Или хотя бы куда он всё время ходил?

Женщина помолчала, потом кивнула на соседнюю дверь.

— В тринадцатую. Там теперь склад какойто, коробки до потолка. Но раньше это была его комната. Он её как квартиру снимал, а сам там работал. Говорил, что тишина нужна. А я ему говорила: какая тишина, тут дети бегают. А он смеялся и говорил: «Зато настоящая».

Саша посмотрела на дверь тринадцатой квартиры. Она выглядела как любая другая дверь в этом доме — поцарапанная, с облупившейся краской. Но теперь она казалась порталом в прошлое, которое ещё не успели стереть.

— Спасибо, — сказала Саша. — Вы очень помогли.

Женщина чуть наклонила голову, будто хотела что-то добавить, но не решалась.

— Только... — тихо произнесла она. — Иногда по ночам оттуда доносится звук. Как будто кто-то щёлкает выключателем. А потом тишина. Такая, что уши закладывает.

Саша похолодела.

— Кто там сейчас? — спросила она.

— Никто, — покачала головой женщина. — Склад. Пустой. Но звук есть.

Баксик тихо зашипел на дверь тринадцатой.

— Ладно, — сказала Саша, отступая. — Спасибо.

Когда они отошли от двери, женщина вдруг окликнула:

— Если он вернётся — скажите, что я помню. Пусть не думает, что все забыли.

Саша кивнула, хотя горло сжалось.

— Скажу, — пообещала она. — Обязательно скажу.

В подъезде пахло пылью и старой краской, но где-то между этажами мелькнул запах, который Саша знала слишком хорошо — озон, как после грозы или короткого замыкания.

Она остановилась, втянула воздух.

— Чувствуешь? — спросила она Баксика.

Кот принюхался, поморщил нос и пошёл вперёд, будто запах вёл его, как поводок.

Они поднялись на этаж выше, но Баксик вдруг сел и уставился не вперёд, а вниз — на лестничную площадку между этажами. Там ничего не было: только облупившаяся стена, перила и урна, набитая скомканными бумажками.

— Что там? — прошептала Саша.

Баксик мяукнул, потом подошёл к стене и начал царапать штукатурку. Не сильно, но настойчиво, как будто знал, что под ней что-то есть.

Саша присела, присмотрелась. И вдруг заметила: в одном месте штукатурка лежала неровно, будто её недавно подмазывали, но спешили. Она провела пальцем — и почувствовала под слоем тонкую кромку металла.

— Люк, — тихо сказала она. — Технический.

Баксик сел рядом и посмотрел на неё так, будто говорил: «Я же чувствовал. Тут кто-то прячет не только коробки».

Саша огляделась. В подъезде было тихо. Слишком тихо для жилого дома.

Она потянула за кромку, и люк приоткрылся, обнажив тёмный проём и лестницу, уходящую вниз. Пахнуло озоном и холодом, который не бывает в обычных подвалах.

— Ну что, напарник, — прошептала Саша. — Похоже, лаборатория не исчезла. Её просто спрятали.

Баксик первым шагнул на первую ступеньку — не потому что был храбрее, а потому что считал: если уж падать, то лучше первым, чтобы успеть приземлиться на четыре лапы.

Спуск казался бесконечным. Лестница вилась спиралью, будто пыталась запутать того, кто спускается. На стенах мелькали старые кабели, ржавые трубы и таблички с надписями, которые будто пытались что-то сказать, но слова рассыпались, как песок.

Наконец они вышли в низкий коридор. В конце его виднелась дверь с облупившейся табличкой: «Тринадцатая». Только теперь это была не дверь квартиры, а дверь в подвал.

Саша подошла, взялась за ручку. Металл был холодным, почти ледяным. Она посмотрела на Баксика.

— Если там ничего нет, — сказала она, — я куплю тебе тунца.

Кот мяукнул. В переводе это значило: «Если там что-то есть, я всё равно хочу тунца. Это не обсуждается».

Она толкнула дверь.

Внутри было темно. Но не обычная темнота подъезда, а густая, будто пропитанная электричеством. Саша щёлкнула фонариком. Луч выхватил ряды стеллажей, уставленных коробками. На полу — следы, будто кто-то недавно ходил здесь в тяжёлой обуви. А в центре комнаты стоял стол, на котором лежал старый ноутбук и стопка бумаг, прикрытая прозрачным пластиком, как будто кто-то хотел защитить их от времени.

Но самое странное было не это.

На стене висела доска, исписанная формулами, заметками и стрелками, которые сплелись в сложный узор. А прямо в центре доски был нарисован круг, перечёркнутый линией, и надпись: «Не смотри».

Саша шагнула вперёд, и тут Баксик резко зашипел.

Она замерла.

Из темноты вышел человек.

Не охранник, не случайный рабочий.

Это была молодая женщина в лабораторном халате, с усталыми глазами и взглядом, в котором читалось: «Я знала, что ты придёшь».

— Ты не должна была сюда спускаться, — сказала она тихо, но твёрдо. — Ты не должна была помнить.

Саша сжала фонарик, будто он мог стать оружием.

— Кто вы? — спросила она.

Женщина вздохнула, будто устала от этого вопроса.

— Меня зовут Кира. Я была ассистенткой Маркова. И я — та, кто всё помнит. Потому что мне стёрли память... и я восстановила её. По кусочкам. По запахам, по звукам, по снам. По тому, как пахнет озон в этом подвале.

Баксик подошёл к ней, сел и уставился снизу вверх, будто говорил: «Ты говоришь правду. Но я всё равно буду следить».

Кира чуть улыбнулась — впервые за всё время.

— Твой кот... он чувствует сдвиги. Я таких встречала. Животные помнят лучше людей.

Саша смотрела на неё, пытаясь уложить в голове всё сразу: и женщину, которая помнит, и лабораторию, спрятанную под домом, и то, что кто-то специально стирал память, а она — вернула.

— Зачем? — спросила Саша. — Зачем стирать память?

Кира подошла к доске, провела пальцем по перечёркнутому кругу.

— Потому что они поняли, как управлять реальностью. Не через силу. Через забвение. Если люди забудут, что что-то было, — этого как будто и не существовало. А если они забудут, кто они, — ими легче управлять. Марков пытался это остановить. И его убрали. А теперь убирают всех, кто может вспомнить.

Саша вспомнила записку: «Найди лабораторию до следующей волны».

— Следующая волна, — тихо сказала она. — Она сотрёт всё.

Кира кивнула.

— И тех, кто помнит, — тоже. Поэтому ты должна уйти. Сейчас. Пока тебя не заметили.

Саша покачала головой.

— Не уйду, — сказала она. — Если я уйду, некому будет помнить.

Баксик подошёл и ткнулся носом в её ладонь. Не мяукнул, не замурлыкал — просто стоял рядом, как якорь, который не даст уплыть в пустоту.

Кира посмотрела на них обоих, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Тогда, — тихо сказала она, — нам нужно сделать так, чтобы помнить было безопасно. Или хотя бы чтобы помнили не только мы.

Она подошла к столу, открыла ноутбук и нажала кнопку. Экран загорелся, и на нём появилась строка: «Протокол Не смотри активен. До следующей волны — 34 часа 12 минут».

Саша почувствовала, как холод пробежал по спине.

— У нас мало времени, — сказала Кира. — Но у нас есть коечто, чего нет у них.

— Что? — спросила Саша.

— Память, которую нельзя стереть. Ту, что живёт не в головах. Ту, что записана в звуках, в запахах, в царапинах на штукатурке. И в кошачьих глазах.

Баксик фыркнул, будто сказал: «Наконецто кто-то оценил».

Глава 5. Неуничтожимая память

В подвале пахло озоном, пылью и напряжением — будто воздух сам знал, что времени почти не осталось. На экране ноутбука бежали цифры: «До следующей волны — 33 часа 47 минут».

Кира быстро щёлкала по клавишам, а Саша стояла рядом и пыталась уложить в голове то, что только что услышала: память можно стирать не только из голов, но и из самой реальности — и те, кто это делает, уже знают, что Саша ищет лабораторию.

— Значит, если мы ничего не сделаем, волна сотрёт не только Маркова, не только лабораторию, но и нас? — тихо спросила Саша.

Кира не подняла глаз, но кивнула:

— Не просто сотрёт. Сделает так, будто нас никогда не было. Ни в документах, ни в воспоминаниях, ни даже в отражениях в витринах. Ты проснёшься завтра — и не вспомнишь, зачем пришла сюда. А Баксик... — она на секунду запнулась и посмотрела на кота. — Животные дольше держатся. Но и они в конце концов начинают видеть пустоты там, где раньше были люди.

Баксик сидел у ножки стола, вылизывал лапу и делал вид, что это просто очередной день, когда реальность сходит с ума. Но уши у него были напряжены — он слушал не слова, а тишину между ними.

— И что мы можем сделать? — спросила Саша. — Если они умеют стирать память, как мы можем её защитить?

Кира наконец оторвалась от экрана и посмотрела на Сашу так, будто видела в ней не детектива, а последнюю надежду.

— Мы создадим память, которую нельзя стереть, — сказала она. — Не в компьютерах. Не в головах. В том, что реальность не умеет переписывать так легко.

— Например? — нахмурилась Саша.

— В звуке. В запахе. В царапинах. В вещах, которые оставляют следы на теле мира. Волна стирает воспоминания, но она не может стереть каждый микроскопический след, который оставляет человек: отпечаток пальца на стекле, вмятину на полу, запах духов в комнате. Она стирает крупные слои — истории, документы, лица. А мелочи... мелочи она пропускает.

Саша вдруг вспомнила вазу с трещиной, которой больше не было.

— Якоря, — прошептала она. — Ваза была якорем.

Кира кивнула:

— Да. Но одного якоря мало. Нам нужно много. И они должны быть в разных местах, в разных формах. Тогда, даже если волна сотрёт всё, кто-то сможет собрать осколки обратно.

Она встала, подошла к стеллажу и достала несколько маленьких коробочек.

— Это аудиорекордеры. Старые, автономные. Не подключены к сети. Их нельзя взломать удалённо. Я буду записывать всё: свои мысли, формулы, объяснения. Ты будешь записывать свои наблюдения. И мы спрячем эти записи в разных местах. Не в облаке, не на серверах — в подвалах, в почтовых ящиках, под половицами. Там, где реальность меняется медленнее.

Баксик подошёл к одной коробочке, понюхал её, фыркнул и сел рядом, будто сказал: «Это лучше, чем ничего. Но я всё равно хочу тунца».

Саша усмехнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— Допустим, мы спрячем записи. Но как мы защитим самих себя? Если волна придёт, мы просто забудем, что их прятали.

Кира достала из кармана маленький металлический брелок — на нём были выгравированы три слова: «Помни. Смотри. Не верь».

— Это мой личный якорь, — сказала она. — Каждый раз, когда я начинаю чувствовать, что мир становится слишком гладким, я трогаю его. И вспоминаю: где я была, что видела, кто мне говорил правду.

Саша достала свой блокнот и открыла страницу, где было написано про вазу.

— У меня есть якорь, — тихо сказала она. — Старая керамическая ваза. Трещина. Подарок мамы.

Кира посмотрела на неё с уважением.

— Отлично. Значит, у нас уже есть два якоря. Теперь нам нужно сделать так, чтобы якорей было много — и чтобы они были связаны друг с другом.

Они начали действовать. Кира записывала на диктофон формулы и объяснения, стараясь говорить просто, но точно: «Память — это поле. Оно существует вне мозга. Если изменить параметры поля, воспоминания перестают удерживаться в сознании. Это не болезнь. Это внешнее воздействие».

Саша писала в блокноте всё подряд: запахи, звуки, ощущения, имена людей, которые ей помогали. Она даже записала, как шуршит бумага, когда Кира достаёт коробки, и как Баксик цокает когтями по бетонному полу.

— Чем больше деталей, тем сложнее стереть, — поясняла Кира. — Волна работает как ластик: она стирает большие куски. А если ты напишешь, что у тебя на ботинке царапина в форме буквы «Г», и эта царапина правда есть, то реальность не сможет её убрать, не оставив следа. А след — это зацепка.

Баксик тем временем ходил по комнате, нюхал коробки, царапал одну из них и снова садился у ног Саши, будто говорил: «Я отмечаю территорию. Пусть знают, что тут был кот».

Вдруг ноутбук пискнул. На экране появилась надпись: «Обнаружена внешняя активность. Система фиксирует аномалию».

Кира резко выпрямилась.

— Они нас нашли, — прошептала она.

Саша почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Кто?

— Те, кто управляет волной. Система видит, что мы собираем данные. И она посылает «чистильщиков» — людей, которые должны убедиться, что память не сохранится.

Словно в подтверждение её слов, сверху донёсся звук шагов. Тяжёлых, уверенных. Ктото спускался по лестнице, ведущей в подвал.

Баксик первым услышал. Он резко поднял голову, уши встали торчком, а шерсть на загривке чуть приподнялась. Он тихо, угрожающе зашипел на дверь.

— Прячь всё, — быстро сказала Кира. — Быстрее!

Саша схватила несколько диктофонов, сунула их в карманы, остальные запихала в коробку изпод обуви. Кира тем временем быстро закрыла ноутбук, вытащила жёсткий диск и спрятала его в рукав халата.

Шаги стали ближе.

— Сюда, — шепнула Кира и повела Сашу к дальнему углу, где за стеллажом виднелся узкий проход. — Там технический лаз. Он ведёт в соседний подвал, а оттуда — на улицу.

Саша кивнула, но остановилась.

— А ты?

— Я их задержу, — твёрдо сказала Кира. — У меня есть свои способы.

Саша хотела возразить, но Баксик уже шёл к проходу, оглядываясь, будто говорил: «Хватит болтать. Пора уходить».

Они протиснулись в лаз. Проход был низким, узким, пах ржавчиной и сыростью. Саша едва протискивалась, прижимая к себе коробку с диктофонами. Баксик шёл впереди, ловко, будто всю жизнь жил в таких тоннелях.

Когда они выбрались в соседний подвал, шаги уже звучали в той комнате, где они только что были. Послышался голос — холодный, официальный:

— Объект обнаружен. Начинаем процедуру очистки.

Саша замерла, прижимаясь к стене. Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно даже там, наверху.

Баксик сел рядом, положил голову ей на ботинок и тихо замурлыкал. Это было самое странное в мире: в двух шагах от катастрофы кот мурлычет, как будто говорит: «Всё будет нормально. Или хотя бы не так плохо, как кажется».

Потом сверху раздался звук — не крик, не выстрел, а какойто низкий гул, будто включили мощный генератор. И вслед за этим наступила тишина. Не обычная тишина, а такая, которая давит на уши.

— Что это? — прошептала Саша.

Баксик поднял голову и посмотрел на потолок, будто мог видеть сквозь бетон.

— Это волна, — тихо ответила Кира, которая только что пролезла следом за ними. — Или её предвестник. Они пытаются стереть данные прямо на месте.

— Но ты же вытащила диск! — воскликнула Саша.

— Да, — кивнула Кира. — Но диск — это только часть. Главное — то, что мы успели записать и спрятать. И то, что ты помнишь.

Саша сжала в кармане брелок Киры, который та успела ей сунуть в спешке. Пальцы нащупали гравировку: «Помни. Смотри. Не верь».

— Мы не дали им стереть всё, — сказала Кира, чуть отдышавшись. — Но они знают, что мы чтото знаем. И они будут искать.

Баксик встал, потянулся, будто сбрасывая напряжение, и пошёл вперёд, к выходу из подвала.

— Куда он? — спросила Саша.

— Туда, где можно спрятаться, — ответила Кира. — Или туда, где можно спрятать самое важное.

Они выбрались на улицу через ржавую дверь, которая вела в заросший двор. Воздух здесь был другим — не таким плотным, не таким «переписанным».

Саша остановилась, вдохнула и посмотрела на Киру.

— Что теперь? — спросила она.

Кира улыбнулась, но в её улыбке не было радости. Только решимость.

— Теперь мы прячем память так, чтобы её не нашли. И делаем это быстро. Потому что до следующей волны осталось меньше тридцати трёх часов.

Баксик мяукнул, будто сказал: «И не забудьте про тунца. Даже в апокалипсисе должен быть тунец».

Глава 6. Следы, которые не стереть

Город будто подстроился под их задачу: серые фасады, пустые дворы, ржавые решётки — всё выглядело так, будто само просило спрятать в себе секрет. До следующей волны оставалось чуть меньше тридцати часов. Время сжималось, как пружина.

Саша держала в руках коробку изпод обуви, в которой лежали диктофоны, жёсткий диск и стопка распечаток с заметками Киры. На каждой странице в углу она ставила метку: «Ваза. Керамика. Трещина. Подарок мамы». Это был её личный код: если реальность начнёт стирать текст, пусть сначала попробует стереть мамину вазу.

Кира шла рядом, быстро и целеустремлённо, как человек, который знает, что за каждым углом может ждать «чистильщик».

— Главное правило, — шептала она на ходу, — не прячь всё в одном месте. Если найдут одно — остальные должны уцелеть. И оставляй зацепки, но не очевидные. Пусть тот, кто будет искать, думает, что это мусор.

Баксик семенил впереди, время от времени останавливаясь, нюхая воздух и поворачивая голову так, будто слышал что-то, недоступное человеческому уху.

— Он как живой радар, — заметила Кира.

— Ага, — усмехнулась Саша. — Только вместо «опасность» он говорит «тут пахнет странно» или «возможно, тут был тунец».

Баксик обернулся, фыркнул и пошёл дальше.

Первая точка была у старой автобусной остановки на окраине района. Под дощатым настилом, где доски давно расшатались, Кира быстро просунула один диктофон, прикрыла его куском рубероида и присыпала пылью.

— Здесь редко убирают, — сказала она. — И никто не смотрит под пол. Для системы это «пустое место». А значит, оно дольше держится.

Вторая точка — заброшенный газетный киоск у парка. Саша сняла заднюю панель и засунула туда жёсткий диск, обёрнутый в непромокаемую плёнку. Рядом она положила клочок бумаги с надписью: «Не открывать. Старые счета».

— Пусть думают, что это хлам, — прошептала она.

Третья точка оказалась сложнее: вентиляционная шахта у трансформаторной будки. Туда они спрятали распечатки, туго скрученные и запечатанные в герметичный пакет.

Пока Кира возилась с креплением, Баксик вдруг сел, уставился на решётку и начал царапать её когтями. Не просто так, а ритмично, будто выбивал какой-то сигнал.

— Эй, полегче, — сказала Саша. — Нам нужно, чтобы никто не заметил, что тут что-то прятали.

Но Баксик не слушал. Он царапал решётку, потом отошёл, посмотрел на Сашу, будто говорил: «Теперь они точно заметят. Но не так, как ты думаешь».

Кира вдруг замерла, глядя на царапины.

— Подожди, — тихо сказала она. — Это... это может сработать.

— Что может сработать? Царапины кота?

— Да, — кивнула Кира. — Смотри. Система стирает крупные слои: документы, воспоминания, лица. Но она плохо справляется с микроследами. С царапинами, с вмятинами, с запахом. Если мы будем оставлять не только записи, но и физические следы — те, которые нельзя удалить без того, чтобы не оставить новый след, — мы создадим карту, которую система не сможет полностью уничтожить.

Саша посмотрела на решётку. На металле остались четыре чёткие полосы — будто кто-то провёл по нему когтями.

— То есть Баксик... оставляет улики?

Кира улыбнулась, и в её улыбке было что-то похожее на облегчение.

— Именно. Он делает то, что система не умеет стирать: он оставляет следы на теле мира.

Они двинулись дальше. Следующей точкой стал старый двор с колодезем, который давно не работал. Саша опустила туда один диктофон в пластиковом контейнере, привязав к нему верёвку, чтобы можно было достать, если понадобится.

Когда она выпрямилась, Баксик уже сидел у стены гаража и царапал облупившуюся краску, оставляя на ней неровные полосы.

— Это уже не просто следы, — сказала Кира, наблюдая за ним. — Это метки. Если кто-то потом пройдёт этим маршрутом и увидит такие царапины, он поймёт: тут был кот, который что-то отмечал. А значит, тут что-то спрятано.

Саша достала брелок с гравировкой «Помни. Смотри. Не верь» и провела пальцем по буквам.

— Получается, мы делаем карту из мусора, царапин и кошачьих меток, — тихо сказала она.

— Именно, — кивнула Кира. — Карту, которую нельзя стереть. Потому что она не в памяти. Она в мире.

Вдруг Баксик резко поднял голову, уши встали торчком, а шерсть на загривке чуть приподнялась. Он тихо, угрожающе зашипел на переулок, откуда доносились шаги.

— Кто-то идёт, — прошептала Кира.

Саша огляделась. Вокруг не было ни укрытий, ни выходов. Только старый гараж, колодезь и мусорные баки.

— Сюда, — быстро сказала Кира и потянула Сашу к узкой щели между гаражами.

Они втиснулись в проход, прижавшись к холодной стене. Баксик проскользнул первым и сел впереди, как часовой, не сводя глаз с выхода.

Шаги приближались. Это были не обычные шаги прохожего. Они звучали слишком ровно, слишком одинаково — будто их специально делали такими, чтобы не привлекать внимания, но при этом ничего не упустить.

Изза угла вышли двое. В одинаковых тёмных куртках, с пустыми лицами людей, которые привыкли не запоминаться. Один держал в руке небольшой прибор, похожий на сканер.

«Чистильщики», — мелькнуло в голове у Саши.

Они остановились у вентиляционной решётки, где Баксик оставил свои царапины. Один из них наклонился, провёл пальцем по металлу, будто проверял, настоящие ли следы.

— Микроследы, — пробормотал он. — Кто-то пытается оставить метки.

Второй кивнул, не поднимая глаз.

— Усилить сканирование. Проверить радиус в двести метров.

Они пошли дальше, медленно, методично, как будто сами были частью системы, которая стирала мир.

Когда шаги стихли, Саша выдохнула. Её руки дрожали, но она сжала их в кулаки.

— Они ищут следы, — прошептала Кира. — А мы их оставляем. Значит, мы на правильном пути.

Баксик подошёл, ткнулся носом в её ладонь и тихо замурлыкал. Не громко, не напоказ, а так, будто хотел сказать: «Я их слышал. Я их видел. И я не дам им стереть то, что мы спрятали».

Остаток дня они провели, пряча оставшиеся записи. Каждая точка становилась не просто тайником, а частью карты: царапина на дереве, вмятина на заборе, кусочек скотча, приклеенный под скамейкой. Баксик оставлял свои метки везде, где считал нужным, будто знал, что эти следы важнее любых слов.

К вечеру город стал казаться другим. Не просто фоном, а союзником. Каждый угол, каждая щель, каждая облупившаяся краска хранили кусочек памяти, который система не могла стереть без того, чтобы не оставить новую зацепку.

Когда они наконец остановились у старой кофейни, где пахло жареными зёрнами и относительной безопасностью, Саша достала блокнот и записала:

«Мы прячем память не в головах. Мы прячем её в мире. В царапинах, в запахах, в звуках. В кошачьих следах. И если волна придёт, кто-то сможет собрать осколки обратно».

Кира села напротив, достала из кармана ещё один диктофон и протянула Саше.

— Возьми, — сказала она. — Оставь его там, где будешь чувствовать себя в безопасности. Или там, где чувствуешь, что он нужен больше всего.

Саша покачала головой.

— Нет. Ты лучше знаешь, где его спрятать. Ты знаешь эту систему.

Кира хотела возразить, но потом кивнула.

— Ладно. Тогда я спрячу его там, где никто не будет искать. В самом очевидном месте.

Она улыбнулась, и на этот раз в её улыбке была не только решимость, но и что-то похожее на надежду.

Баксик запрыгнул на подоконник, сел, поджал лапы и уставился в окно, будто охранял их от всего города сразу.

— Знаешь, что самое странное? — тихо сказала Саша.

— Что?

— Что я начинаю верить, что мы можем это сделать. Что мы можем оставить память, которую не стереть.

Кира посмотрела на неё и кивнула.

— Мы можем. Потому что мы не пытаемся победить систему её же оружием. Мы используем то, что она не умеет контролировать. Мир. И kota.

Баксик фыркнул, будто сказал: «Наконецто вы это поняли».

Глава 7. Когда стирают не только память

Ночь легла на город тяжёлым, плотным покрывалом — таким, под которым легче прятать секреты, но и легче их находить, если знаешь, куда смотреть. До следующей волны оставалось меньше двадцати четырёх часов. Время будто сжималось, как пружина, готовая вотвот щёлкнуть.

Саша и Кира шли по тёмным переулкам, проверяя «контрольные точки» — места, где они спрятали записи. Это была не прогулка, а тихий дозор: они не искали улики, они проверяли, целы ли якоря.

Баксик шёл впереди, как живой компас. Время от времени он останавливался, нюхал воздух, морщил нос и шёл дальше, будто прокладывал невидимую линию, которую никто не мог стереть, потому что она существовала только у него в голове — и в следах его когтей.

— Знаешь, что самое странное? — тихо сказала Саша, глядя, как Баксик царапает облупившуюся краску на заборе. — Я уже не удивляюсь, когда кот ведёт нас по маршруту, который не записан ни на одной карте.

Кира усмехнулась, но в её усмешке не было веселья.

— В этом вся суть, — прошептала она. — Система думает, что контролирует только данные. А мы используем то, что не считается данными: запах, царапину, тень. Для неё это мусор. А для нас — карта.

Они подошли к старой трансформаторной будке, где днём спрятали распечатки в вентиляционной шахте. Саша остановилась, прислушалась. Вокруг было тихо, но тишина была какойто неправильной — слишком ровной, будто её специально выровняли.

— Мне это не нравится, — сказала она.

Баксик первым подал знак: сел, уставился на решётку и тихо зашипел. Не на воздух, не на пустоту — на саму решётку, будто видел сквозь металл.

Кира шагнула вперёд, потянулась к креплению... и вдруг замерла.

— Стой, — шепнула она Саше. — Смотри.

На решётке, там, где днём остались царапины Баксика, теперь было гладко. Будто кто-то аккуратно заполировал металл, чтобы убрать следы. Но полировка была слишком свежей: на металле ещё блестели микрочастицы, которых не было раньше.

— Они здесь были, — выдохнула Кира. — И они пытались стереть следы. Но не смогли сделать это идеально.

Саша сжала кулаки.

— Значит, они знают про наши метки.

В этот момент изза угла вышли двое. Те самые «чистильщики» — в одинаковых тёмных куртках, с пустыми лицами и приборами в руках. Один из них держал устройство, похожее на тонкий сканер; экран мерцал бледнозелёным светом.

— Объект обнаружен, — спокойно произнёс один из них, глядя не на Сашу, а на воздух перед ней, будто она была просто помехой в сигнале. — Начинаем процедуру очистки периметра.

Саша шагнула вперёд, загораживая собой решётку.

— Не подходите, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не отчаянно. — Вы не можете просто стирать всё, что вам не нравится.

Чистильщик чуть наклонил голову, будто услышал что-то странное.

— Мы не стираем, — сказал он. — Мы восстанавливаем нормальный порядок. То, что вы считаете памятью, — это помехи. Мы убираем помехи.

Кира схватила Сашу за руку, потянула назад.

— Нам нужно уходить, — прошептала она. — Сейчас.

Но Саша не двигалась. Она смотрела на решётку, на свежий след полировки, и вдруг поняла: система стирает не только воспоминания. Она стирает следы. Но если след нельзя убрать бесследно, значит, он сам становится уликой.

И тут Баксик сделал то, чего никто не ожидал.

Он не бросился прочь, не спрятался за ноги Саши. Он прыгнул. Прямо на грудь первому чистильщику, вцепился когтями в куртку и зашипел так, что даже воздух будто стал холоднее.

Чистильщик отшатнулся, замахал руками, пытаясь стряхнуть кота.

— Что за... — начал он, и в его голосе впервые мелькнуло что-то человеческое — удивление.

Второй чистильщик дёрнулся к напарнику, но Баксик уже спрыгнул, приземлился на все четыре лапы и тут же метнулся к вентиляционной решётке. Он встал перед ней, выгнув спину, распушил шерсть и зашипел уже на обоих сразу — как будто говорил: «Это моё. И я не позволю вам стереть то, что я отметил».

Саша вдруг поняла: Баксик не просто защищал тайник. Он создавал новый след — живой, тёплый, настоящий. След, который нельзя заполировать или перезаписать.

— Кира, — быстро шепнула Саша. — Пока они заняты котом, доставай распечатки. Быстрее.

Кира метнулась к решётке, сорвала крепление, вытащила герметичный пакет. Пальцы у неё дрожали, но движения были чёткими, отработанными.

Тем временем чистильщики наконец справились с шоком. Первый отряхнул куртку, на которой остались длинные царапины.

— Животное, — процедил он. — Это не предусмотрено.

— Это и есть проблема всей вашей системы, — вдруг сказала Кира, выпрямляясь и прижимая к себе пакет. — Вы думаете, что мир — это данные. А он — это царапины, запахи, коты, которые не хотят, чтобы их стирали.

Она шагнула назад, к Саше.

— Уходим, — сказала Саша. — Сейчас.

Они побежали. Баксик мчался впереди, петляя между гаражами, будто знал каждый сантиметр этого района. За спиной слышались шаги, но они не приближались: чистильщики не привыкли гоняться за живыми существами. Для них это было что-то из другой реальности — неподконтрольное, непредсказуемое.

Когда они выскочили в соседний двор, Саша остановилась, прислонилась к стене и попыталась отдышаться. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из груди.

Баксик подошёл, сел у её ног и уставился на неё снизу вверх. В его взгляде читалось: «Я же говорил: не верь гладким поверхностям. Всегда ищи царапины».

Кира открыла пакет, быстро просмотрела содержимое.

— Всё на месте, — выдохнула она. — Они не успели.

Саша кивнула, но тут же нахмурилась.

— Но они знают про метки, — тихо сказала она. — Про царапины, про следы. Значит, теперь они будут искать не только документы. Они будут искать следы на вещах.

Кира посмотрела на Баксика и вдруг улыбнулась — понастоящему, без напряжения.

— Тогда мы будем оставлять такие следы, которые нельзя убрать, — сказала она. — Следы, которые сами по себе — вопрос. Царапина, которая выглядит как стрелка. Вмятина, которая похожа на цифру. Пусть система стирает. Пусть она полирует металл. Но она не сможет сделать это так, чтобы не оставить новый след. А новый след — это новая зацепка.

Саша достала брелок с гравировкой: «Помни. Смотри. Не верь». Провела пальцем по буквам.

— Получается, мы не просто прячем память, — тихо сказала она. — Мы оставляем под-
сказки для тех, кто будет искать после волны.

Баксик мяукнул. В переводе это значило: «И пусть знают: если они тронут мой тунц, я
оставлю царапины на их куртках снова. И не только там».

Глава 8. Послание за границу волны

Город к утру стал чужим — не враждебным, а будто подменённым. Витрины магазинов блестели слишком ровно, прохожие шли слишком прямо, не задевая друг друга, не роняя ключи, не спотыкаясь о трещины в асфальте. Казалось, реальность уже начала выравниваться, сглаживая всё, что могло стать зацепкой.

До следующей волны оставалось меньше двадцати часов. Время теперь не просто тикало — оно звенело, как натянутая струна.

Саша, Кира и Баксик стояли у стены старого почтового отделения — одного из немногих мест, где ещё пахло бумагой, чернилами и чемто настоящим, а не синтетической «нормальностью».

— Если мы хотим передать информацию комуто, кто ещё не попал под волну, — тихо сказала Кира, — нам нужно выйти за пределы города. За пределы того радиуса, который система уже считает «своим».

Саша сжала в кармане брелок: «Помни. Смотри. Не верь».

— Но как? — спросила она. — Если они видят каждый наш шаг, если стирают даже царапины...

Кира кивнула, будто ждала этого вопроса.

— Значит, мы должны использовать то, что они не контролируют. То, что живёт вне их системы.

Она достала из сумки небольшой пакет, в котором лежал жёсткий диск, туго обёрнутый в фольгу, и несколько распечаток, прошитых ниткой и запечатанных воском.

— Это для внешнего мира, — сказала Кира. — Для тех, кто ещё помнит, как выглядит реальность до волны.

Баксик сидел рядом, внимательно смотрел на пакет и время от времени тыкался носом в угол, будто проверял, надёжно ли спрятано.

— И кто этот внешний мир? — спросила Саша.

Кира чуть помедлила, потом сказала:

— Есть человек. Бывший коллега Маркова. Он уехал из города полгода назад, когда начал замечать странности. Его зовут Виктор. Он живёт в маленьком посёлке за сто километров отсюда. И он не подключён к городской сети. Для системы он — почти призрак.

Саша нахмурилась.

— Почти?

— Никто не бывает полностью невидим, — призналась Кира. — Но он дальше, чем мы. И если мы успеем передать ему данные до волны, у него будет шанс сохранить хотя бы часть информации.

Саша посмотрела на часы.

— Как мы это сделаем? Поедем сами?

Кира покачала головой.

— Нет. Если мы поедем, нас заметят. Система фиксирует перемещение групп. Нам нужно разойтись. И использовать посредника.

Посредником оказался почтальон — немолодой мужчина с усталыми глазами и привычкой всё делать медленно, будто спешка сама по себе была подозрительной. Его звали Степан, и он работал на этом отделении столько лет, что, казалось, сам стал частью стены.

Кира подошла к окошку, положила на стойку запечатанный конверт. На нём не было адреса, только надпись: «Виктору. Срочно».

Степан посмотрел на конверт, потом на Киру, потом чуть скосил взгляд на Сашу и Баксика, будто понимал, что это не обычная почта.

— Без адреса не возьмём, — спокойно сказал он. — Правила.

Кира наклонилась вперёд и тихо, но твёрдо сказала:

— Этот адрес знают только те, кто должен знать. Если вы положите его в ящик для срочной доставки в посёлок Сосновка — вы сделаете больше, чем думаете.

Степан помолчал, потом взял конверт, повертел в руках, будто взвешивал не бумагу, а смысл.

— В Сосновку, — повторил он. — Срочная.

И вдруг добавил:

— Там у меня сестра живёт. Если что — я скажу, что это от меня.

Кира едва заметно выдохнула.

— Спасибо, — прошептала она.

Когда они отошли от окошка, Саша схватила Киру за рукав.

— Ты уверена? — прошептала она. — А если он вскроет? Или система проверит?

— Он не вскроет, — сказала Кира. — Люди вроде Степана держатся за правила, потому что правила — это единственное, что остаётся, когда мир начинает меняться. Он доставит.

Баксик тем временем подошёл к почтовому ящику, понюхал его, фыркнул и вдруг царапнул металлическую панель рядом с прорезью. Четыре короткие полосы, будто знак вопроса.

— Что ты делаешь? — тихо спросила Саша.

Кот сел, посмотрел на неё, будто говорил: «Пусть знают, что тут был тот, кто помнит».

Они вышли на улицу, и тут воздух будто стал плотнее. Саша почувствовала это как тяжесть в груди — будто реальность на секунду замерла, проверяя, кто здесь лишний.

Вдруг из переулка вышли двое в тёмных куртках. Не те же самые чистильщики, но похожие: одинаковые движения, пустые лица, приборы в руках.

— Стойте, — сказал один из них, не повышая голоса, будто приказывал не людям, а предметам. — Проводится проверка аномалий.

Саша шагнула вперёд, загораживая собой Киру.

— Мы просто шли, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Ничего не нарушали.

Чистильщик посмотрел на неё так, будто видел не лицо, а строчку в отчёте.

— Вы нарушаете порядок, — сказал он. — Вы оставляете следы.

В этот момент Баксик сделал то, чего никто не ожидал. Он не зашипел, не прыгнул. Он просто сел прямо между Сашей и чистильщиками, выгнув спину и начал громко, требовательно мяукать — так, будто это не угроза, а жалоба на несправедливость мира.

Звук был настолько живым, настолько настоящим, что на секунду даже чистильщики замерли.

— Животное, — пробормотал один из них. — Не предусмотрено.

А Баксик продолжал мяукать, будто говорил: «Я здесь. Я помню. И я не дам вам стереть этот угол улицы».

Кира схватила Сашу за руку и потянула в сторону, к арке, ведущей во двор.

— Бежим, — шепнула она.

Они метнулись в переулок, петляя между гаражами, контейнерами, старыми ящиками — туда, где город становился неровным, неудобным для системы. Баксик бежал впереди, ловко перепрыгивая через препятствия, будто знал, где асфальт чуть приподнят, где тень гуще, где реальность ещё держится за шероховатости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.